

Мольер. Полное собрание сочинений в одном томе. / Пер. с фр.-- М.: "Издательство АЛЬФА-КНИГА", 2009. (Полное собрание в одном томе).

Перевод П. Гнедича

OCR Бычков М. Н.

Предисловие Мольера

Странное дело: печатают авторов против их желанья! Я не знаю ничего более противозаконного, и я готов простить какую угодно наглость, но только не это.

Я совсем не хочу прикидываться скромным автором и уничивать мою комедию из гордости. Я бы оскорбил, и для себя совершенно некстати, весь Париж, если бы предъявил к нему обвинение в том, что он аплодировал пошлой пьесе: публика есть лучший судья произведений подобного рода, и было бы дерзостью с моей стороны ее обличать в этом; и если бы даже я был самого плохого мнения о моих "Жеманницах" до того, как они прошли на сцене, то, во всяком случае, теперь я должен думать, что они чего-нибудь да стоят: ведь не даром же одновременно такому множеству людей они так понравились! Но так как большая часть достоинств, найденных в пьесе, зависела от сценического исполнения и от достоинства дикции, то для меня было бы весьма важно, чтобы пьеса не была лишена этих украшений, да и вообще я полагал, что ее сценический успех был совершенно достаточен, чтобы считать себя удовлетворенным. Я сказал себе: пусть ее видят только при блеске свечей, чтобы кто-нибудь не вспомнил про известную пословицу, и потому я не хочу, чтобы она прыгнула из Бурбонского театра в Пале-Рояль. Но я не мог этого избежать и имел несчастье увидеть похищенный список моей пьесы в руках книгопродавцев с разрешением к печати, добытым с помощью обмана. И как я ни вопил: "О времена! О нравы!" -- но пришлось выбирать одно из двух: или быть напечатанным, или судиться, -- а последнее зло еще ужаснее первого. Пришлось подчиниться судьбе и согласиться на то, что могли бы проделать и без моего согласия. Боже мой, сколько затруднений, чтобы издать книгу, в особенности когда автор первый раз имеет дело с типографией! Кабы еще мне дали время, я бы мог думать и принять те предосторожности, которые господа авторы -- а теперь мои собраты -- имеют обыкновение предпринимать в подобных случаях. Не говоря уже о важном сановнике, которого я, помимо его желанья, взял бы покровителем моего труда, умаслив его цветистым посвящением, -- я бы постарался сделать красивое и ученейшее предисловие; у меня есть много книг, которые помогут мне сказать много умных вещей о трагедии и комедии, об их языке, происхождении, значении и т. д. Я бы обратился к моим друзьям, которые, чтобы рекомендовать мою пьесу, не отказали бы мне ни во французских, ни в латинских стихах. У меня даже есть один, что воспел бы мне хвалу по-гречески, а кому не известно, что похвала, написанная по-гречески во главе издания, может сделать чудеса. Но меня издали, не дав мне времени опомниться; я даже не мог сказать двух слов, чтобы объяснить мои намерения касательно сюжета самой комедии. Я бы хотел указать, что она нигде не переходит границ честной и приличной сатиры; что прекрасные намерения, извращенные подражателями -обезьянами, заслуживают быть осмеянными; что жалкое подражание совершенным образцам во все времена было предметом для комедии, и как настоящие ученые и действительно храбрые люди не усматривали обиды в лице докторов и капитанов, выводимых на сцене, как судьи, принцы и короли не обижались, смотря на Тривелена или другого артиста, смешно игравшего судью, принца или короля, -- точно так же наши жеманницы напрасно обиделись бы, увидя себя в смешном и плохо скопированном виде.

Но, в конце концов -- как я уже сказал, -- мне не дали передохнуть и monsieur Де-Люино хочет меня сейчас же отдать в брошюровку. В добрый час, значит, такова воля Господня!

Действующие лица